Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/VETIQH
УДК 82.09
ББК 83.3(0)7

«ИНТЕРТЕКСТ МИРА ПОСМЕРТИЯ» В ФАНТАСТИКЕ XX–XXI вв.: ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ

© 2022 г. Е.Н. Ковтун
Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 19 мая 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 03 июня 2022 г.
Дата публикации: 25 декабря 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-34-53

Аннотация: В статье приводятся обобщенные результаты проведенного автором исследования Мира Посмертия — загробного обиталища человеческой души — как особого локуса в российской, инославянской, европейской и североамериканской волшебной фантастике XX–XXI вв. В сферу анализа вовлечено более ста художественных произведений, преимущественно относимых к волшебной фантастике (фэнтези), в которых Мир Посмертия представлен как обособленная территория, однозначно идентифицируемая автором и читателем, обладающая собственными пространственно-временными и ландшафтными характеристиками, населением, системой социальных и нравственных норм. Выделяются инвариантные признаки повествования о Мире Посмертия, позволяющие поставить вопрос о существовании в фантастической литературе исследуемого периода единого «интертекста Мира Посмертия». Предлагается классификация базовых моделей Мира Посмертия на основе выработанных автором публикации критериев, характеризуются наиболее распространенные сюжетно-композиционные схемы повествования о Мире Посмертия. В завершение публикации приводится совокупная характеристика функциональности художественного образа Мира Посмертия, суммируются выдвигаемые различными писателями идеи и гипотезы о целях, смысле и протяженности (конечности или вечности) посмертного существования.
Ключевые слова: фантастика, фэнтези, жизнь после жизни, Мир Посмертия.
Информация об авторе: Елена Николаевна Ковтун — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 А, 119991 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9457-8556
E-mail: kovelen@mail.ru
Для цитирования: *Ковтун Е.Н.* «Интертекст Мира Посмертия» в фантастике XX–XXI вв.: функциональность художественной модели // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 34–53. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-34-53

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 4, 2022

THE UNIVERSE OF AFTERLIFE INTERTEXT IN FANTASY OF 20th–21th CENTURIES: THE FUNCTIONALITY OF ART MODEL

© 2022. Elena N. Kovtun
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
Received: May 19, 2022
Approved after reviewing: June 03, 2022
Date of publication: December 25, 2022

Abstract: The article comprises the summarized results of the author's investigation of the Universe of Afterlife — the post-mortem home of human soul — as a specific locus in Russian, Slavic, European and North American fantasy of 20th–21th centuries. More than a hundred fiction texts under analysis, referring to the genre of fantasy, depict the Universe of Afterlife as an isolated area, unmistakably identified both by the author and the reader, and characterized by its own space-time and landscape parameters, population diversity, system of social and moral norms. The article outlines the invariant features of the Universe of Afterlife narrative, allowing to raise an issue of the unified "Universe of Afterlife Intertext," inherent in the literature of fantasy of the examined period. Besides, it introduces the images of the meeting guard, mentor or guide, accompanying the personage through the afterlife kingdom. The article proposes the classification of basic models of the Universe of Afterlife according to the criteria elaborated by the author; it also features the most widely-spread plot-composition schemes of the Universe of Afterlife narrative. The conclusion contains the comprehensive characteristics of the functionality of the Universe of Afterlife art image and the summary of the different writer's ideas and hypotheses on the aims, meaning and duration (finiteness or eternity) of post-mortem existence.

Keywords: fantasy, post-mortem existence, universe of afterlife.

Information about the author: Elena N. Kovtun, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninskii ave. 32 A, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9457-8556
E-mail: kovelen@mail.ru

For citation: Kovtun, E.N. "The Universe of Afterlife Intertext in Fantasy of 20th–21th Centuries: The Functionality of Art Model." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 34–53. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-34-53

Настоящая публикация обобщает результаты исследования, проведенного автором в 2019–2022 гг. на материале в общей сложности более чем ста фантастических текстов[1], содержащих описание посмертного существования человека (человеческой души) в специфических локусах, совокупно именуемых нами Миром Посмертия (МП)[2].

В сферу анализа попали главным образом художественные произведения, относящиеся к волшебной фантастике (фэнтези), а также родственным ей жанрам — фантастической притче, литературным мифу и сказке. За пределами исследования осталась научная фантастика (НФ), где возможно раскрытие схожей темы (но трактуемой рационалистически — как бессмертие, достигнутое благодаря успехам науки), а также, за некоторыми исключениями, фантастическая сатира, прибегающая к изображению мира мертвых лишь как к пародии на земную жизнь. В рамках же непосредственно фэнтези мы не рассматривали истории о призраках, вампирах, зомби и иных формах посмертного существования персонажей в мире живых.

Тексты для анализа отобраны на российском специализированном интернет-портале «Лаборатория фантастики»[3]. Первичная выборка текстов осуществлялась по тегу «загробный мир», далее отбор велся по трем критериям. Первый: к анализу привлечены тексты, воссоздающие Мир Посмертия как самостоятельный локус, отграниченный от реальности,

1 Принадлежащих к российской, инославянской, западноевропейской, североамериканской фантастическим традициям и созданным на протяжении прошлого и нынешнего столетий.

2 Для обозначения объекта исследования используются также синонимичные словосочетания «страна (мир) мертвых», «загробный мир (царство)», «тот свет».

3 URL: https://fantlab.ru (дата обращения: 01.04.2022).

имеющий собственные пространственно-временные характеристики (хронотоп), географию (рельеф, ландшафты), климат, обитателей (не всегда только людей), социальную организацию и систему норм поведения. Второй критерий: Мир Посмертия в отобранных текстах играет важную сюжетно-композиционную роль, с ним непосредственно связана основная или существенная часть авторского замысла. В соответствии с третьим критерием предпочтение отдано произведениям, содержащим максимально развернутые описания МП, представляющие его в виде целостного многоаспектного и многозначного художественного образа[4].

Сопоставительный анализ произведений, содержащих художественный образ Мира Посмертия, позволяет прийти к следующим основным выводам. В российской и зарубежной фантастике XX–XXI вв. сложился определенный *инвариант* изображения загробного бытия, а произведения, посвященные данной тематике, могут быть совокупно рассмотрены как своеобразный *интертекст Мира Посмертия*[5] с присущим ему особым комплексом смысловых и структурных характеристик, повторяющихся (или незначительно варьирующихся) вне зависимости от времени и места создания каждого входящего в него текста. Данный комплекс характеристик именуется нами *каноном* изображения МП.

Данный канон включает в себя устойчивый набор параметров, большинство которых связано с характеристикой самого МП (его границы, пространственно-временной континуум, пейзажи, обитатели, законы и т. п.). Анализ данных параметров позволяет выделить и описать базовые модели Мира Посмертия, разграниченные нами по трем критериям: «нравственная ориентированность (позитивные, негативные, нейтральные МП)», «опорная мифология (традиционная или авторская)», «объективная и субъективная природа МП».

Прочие относящиеся к канону изображения Мира Посмертия параметры описывают структуру образа МП и содержащего его художественного текста. К ним мы относим фиксированный комплекс сюжетных мотивов и композиционных схем, а также функции образа Мира Посмертия, т. е.

4 Перечень исследуемых текстов, а также развернутое обоснование выводов см. в наших публикациях: [2; 3].

5 Подобный, например, инвариантам «городского текста», таким как «Петербургский текст русской литературы», «Пражский текст чешской литературы». Подробнее о них см.: [1; 4].

воплощенные в нем смыслы и решаемые с его помощью авторские задачи.

Ниже приводится краткая характеристика всех указанных параметров.

1. Инвариантные характеристики Мира Посмертия

1.1. Локализация МП

По отношению к обители живых Мир Посмертия чаще всего интерпретируется как подземный и (или) надземный — в соответствии с христианской традицией («Расторжение брака» К.С. Льюиса, «Потерянные боги» Д. Брома, «У каждого свой ад» Р. Сильверберга, «То, во что ты веришь» Р. Шекли, «Гитлер рисовал розы» Х. Эллисона, «Бубен верхнего мира» В. Пелевина, «Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенской, «Там...» А. Борисовой, «Впереди — вечность» А. Бачило, «Седьмое доказательство» Ю. Зонис и мн. др.). Однако в ряде случаев возможно и «горизонтальное» размещение: МП находится на дальних границах или в непосредственной близости от мира живых. В случае «дальней» локализации предпочтение отдается западу, нередко с семантическим усилением: Заокраинный Запад («Сильмариллион» Д. Толкиена), Далекий Запад, край, «где кончаются земли» [5] («Техану» У. Ле Гуин)[6]. «Близкая» же локализация МП (соседний город, окраинный микрорайон) представлена, например, в «Городе за рекой» Г. Казака и в «Малой Глуше» М. Галиной.

Нередко загробным царством становится неопределенная «труднодоступная местность» или «романтическая даль» («Мадрапур» Р. Мерля, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Чапаев и Пустота» В. Пелевина). Возможны и экзотические варианты расположения МП: в Поясе астероидов («Полосатый жираф Алик» В. Крапивина), центре Галактики («Империя ангелов» Б. Вербера), в краю «за радужным мостом» («Век волков» Я. Гжендовича) или «по другую сторону звезд» («Братья Львиное сердце» А. Линдгрен).

6 Интересно использование метафоры Запада как края «смертной тени» в трилогии С. Кузнецова «Живые и взрослые». Мир Посмертия здесь — в буквальном смысле «заграница», «загнивающий капиталистический запад» из пропагандистских штампов советских времен. Тема смерти как «эмиграции» в условный «западный мир» звучит и в рассказе Л. Петрушевской «Два царства».

Наконец, Мир Посмертия может вообще не соотноситься с миром живых, являясь пространством, расположенным вне нашей реальности («На реке» Р. Янга, «Краткая история смерти» К. Брокмейера, «Джим Моррисон после смерти» М. Фаррена, «Бэтмен Аполло» В. Пелевина, «Баскетбол» М. и С. Дяченко, «Свет в окошке» С. Логинова). Или, напротив, рассматриваться как составная часть мира живых — в этом случае персонажи, пребывая в загробном царстве, нередко убеждены, что по-прежнему продолжают жить («Вести из Непала» В. Пелевина, «Третий полицейский» Ф. О'Брайена и др.).

1.2. Граница

В большинстве текстов Мир Посмертия имеет четко очерченные пределы, важнейший из которых — граница между ним и миром живых. Чаще всего ею становится река («Город за рекой» Г. Казака, «На реке» Р. Янга, «Потерянные боги» Д. Брома, «Малая Глуша» М. Галиной и др.) или иное водное пространство, например, океан в эпопее о Средиземье Д. Толкиена или ручей в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова. Из сухопутных преград достаточно распространен скалистый массив («Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин, «Расторжение брака» К.С. Льюиса), в том числе дающий возможность попасть в МП через пещеру («Потерянные боги» Д. Брома, «Слово Оберона» М. и С. Дяченко). Границей также может служить зеркало («Орфей» Ж. Кокто), ложбина между холмами («Чапаев и Пустота» В. Пелевина), туннель («Хранители могил» М. Марр), занавес («Ад — это вечность» А. Бестера, «Гарри Поттер и Орден Феникса» Д. Роулинг), наконец, просто бесформенное пространство, наполненное туманом («Куда приводят мечты» Р. Матесона).

1.3. Преодоление границы

Большинство писателей особо отмечают момент перехода персонажа в Мир Посмертия. Данному моменту, как правило, присуща двойственность. С одной стороны, автор подчеркивает будничность происходящего. Герой прибывает в МП на поезде («Город за рекой» Г. Казака), автобусе («Расторжение брака» К.С. Льюиса), машине («Чувство, которое словами можно выразить только по-французски» С. Кинга), на тачанке («Чапаев и Пустота» В. Пелевина), прилетает на самолете («Мадрапур» Р. Мерля, «Два царства»

Л. Петрушевской), приплывает на корабле («Сильмариллион» Д. Толкиена), плоту («На реке» Р. Янга) или лодке («Малая Глуша» М. Галиной), приходит пешком («Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин, «Потерянные боги» Д. Брома) и на лыжах («Безмолвная земля» Г. Джойса, «Мэбэт. История человека тайги» А. Григоренко). Лишь в некоторых случаях используется левитация («Империя ангелов» Б. Вербера, «Там...» А. Борисовой), мгновенный перенос («Полосатый жираф Алик» В. Крапивина, «Куда приводят мечты» Р. Матесона) и иные нетрадиционные способы путешествий.

С другой стороны, в момент перехода персонаж испытывает необычные чувства или переживает ощущение внезапного изменения природы окружающего мира. Это можно увидеть, например, в романах «Третий полицейский» Ф. О'Брайена («У меня возникло впечатление, что дневное освещение с невероятной скоростью сменилось вечерним и что резко изменилась температура» [6]), «Чапаев и Пустота» В. Пелевина («Какая-то зрительная судорога прошла по моим глазам... холмы, летний вечер — все это исчезло; вокруг была густая тьма, и в этой тьме... горели яркие пятна костров» [8]), «Малая Глуша» М. Галиной (невежественный лодочник на переправе вдруг заговаривает с героем на языке высокой науки). Фиксация необычности ощущений позволяет читателю распознать переход персонажа в загробный мир, несмотря на внешнюю обыденность происходящего.

В ряде текстов авторами выделяется особая Зона Перехода, промежуточный локус между мирами живых и мертвых. Пребывание в нем, как правило, подчеркивает неокончательность смерти и нерешенность судьбы героя: из Зоны возможен путь как вперед, в «подлинный» МП, так и назад, в земную жизнь. Облик Зоны может быть как нарочито обыкновенным (коридор и кабинет неведомого офиса в «Загробной жизни» С. Кинга, железнодорожный вокзал, похожий на лондонский Кингс-Кросс, в «Гарри Поттере и дарах смерти» Д. Роулинг, остров на сибирской реке в «Мэбэте» А. Григоренко), так и весьма причудливым (полуразрушенный город в «Черном пальто» Л. Петрушевской, покинутый людьми горнолыжный курорт в «Безмолвной земле» Г. Джойса, внутренность Полой Земли в романе «Первый отряд. Истина» А. Старобинец).

1.4. Проводник

Для перехода в Мир Посмертия и привыкания к новым условиям бытия героям часто необходим особый персонаж, выполняющий (в том числе сочетающий) функции встречающего, проводника, наставника, экскурсовода. Таковы Джордж Макдональд в «Расторжении брака» К.С. Льюиса, дядюшка Альберт в романе «Куда приводят мечты» Р. Матесона, Эмиль Золя в «Империи ангелов» Б. Вербера, дед героини в «Моих посмертных приключениях» Ю. Вознесенской. Иногда роль проводника исполняют животные: в романе «Первый отряд. Истина» А. Старобинец это дельфин, в «Мэбэте» А. Григоренко — медведь.

1.5. Посмертный суд

Судьба героя определяется, как правило, вскоре по прибытии в МП. В нравственно ориентированных моделях загробного царства посмертная участь обусловлена поведением героя в земной жизни. В нейтральных моделях герою самому приходится делать выбор, где обитать и чем заняться в «жизни после жизни». Момент выбора посмертной участи может изображаться как беседа с чиновником потусторонней канцелярии («Загробная жизнь» С. Кинга, «Синельников на том свете» А. Ляха), наставником («Куда приводят мечты» Р. Матесона) или другим умершим («Третий полицейский» Ф. О'Брайена), как импровизированное судилище («Империя ангелов» Б. Вербера) или встреча с фантастическим существом-демиургом («Там...» А. Борисовой).

1.6. Хронотоп Мира Посмертия

Пространственная и временная протяженность созданных фантастами загробных миров чрезвычайно разнообразна. МП может включать в себя лишь считанные метры — комнату («За закрытыми дверями» Ж.-П. Сартра), квартиру («Мелочь» У. Ле Гуин), спортивную площадку («Баскетбол» М. и С. Дяченко). Более протяженными версиями «того света» являются троллейбусный парк («Вести из Непала» В. Пелевина), горная долина («Братья Львиное сердце» А. Линдгрен), городской микрорайон («Малая Глуша» М. Галиной). К масштабным вариантам МП можно отнести речное побережье в рассказе «На реке» Р. Янга, сельскую местность в «Третьем полицейском» Ф. О'Брайена), Страну Мертвых в цикле о Земноморье У. Ле Гуин.

Наконец, в палитре разных МП встречаются целые миры с большим разнообразием ландшафтов (романы Б. Вербера, Д. Брома, М. и С. Дяченко). А в ряде текстов, например, у Р. Матесона, М. Фаррена, Ю. Вознесенской, МП и вовсе расширяется до масштабов вселенной — с «небесами» для праведников, «адскими» зонами для грешников и бесконечными пространствами, где обитают не вполне безгрешные, но и не вконец испорченные души.

1.7. Роль фантастики

Большинство реалий Мира Посмертия — ландшафты, интерьеры, детали одежды и быта — изображаются писателями в реалистической манере. Привычность декораций, как правило, наблюдается там, где Мир Посмертия выступает преимущественно в качестве фона для развития действия. И лишь в моменты, когда необходимо подчеркнуть сверхъестественную природу загробного царства, на помощь приходят фантастические образы. Их масштаб и роль в тексте могут существенно различаться: от единственной (но чрезвычайно весомой) детали (черты) посмертного бытия — до его сущностной (главной) характеристики.

Фантастическими деталями, подчеркивающими отличие Мира Посмертия от привычного человеку окружения, могут быть: специфическая материальность МП (особая «весомость» предметов райского ландшафта в «Расторжении брака» К.С. Льюиса), изменение «телесности» умершего («Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенской), пространственные парадоксы (бескрайняя черная равнина, непонятным образом умещающаяся в ложбине между холмами в романе «Чапаев и Пустота» В. Пелевина), необычное освещение («свет без солнца» в романе «Куда приводят мечты» Р. Матесона), отсутствие в МП растений, животных и иных биологических организмов (цикл о Земноморье У. Ле Гуин, «Черное пальто» Л. Петрушевской, «Мадрапур» Р. Мерля) или, напротив, присутствие сверхъестественных существ («Потерянные боги» Д. Брома).

Конституирующим же принципом Мира Посмертия фантастика, как правило, становится в тех его моделях, где авторами подчеркивается искусственность (иллюзорность) природы загробного царства («Джим Моррисон после смерти» М. Фаррена, «Бэтман Аполло» В. Пелевина, «Свет в окошке» С. Логинова, «Ад — это вечность» А. Бестера и др.).

2. Базовые модели Мира Посмертия

2.1. Этическая ориентация

Большинство созданных фантастами вариантов Мира Посмертия имеют нравственную ориентацию и подразумевают наличие на «том свете» позитивных и негативных локусов, предназначенных для существования праведников и грешников. Наиболее употребительные названия этих локусов, заимствованные из христианской мифологии, нередко присутствуют уже в названиях произведений («Небо» О. Синицына, «Ад — это вечность» А. Бестера, «У каждого свой ад» Р. Сильверберга и др.).

В более сложных с этической точки зрения концепциях между высшими («райскими») и низшими («адскими») слоями посмертия расположены промежуточные зоны, пребывание в которых напрямую зависит от степени духовного развития умершего. Взрослея и просветляясь, человеческая душа постепенно перемещается по вертикали подобного многослойного МП («Куда приводят мечты» Р. Матесона, «Империя ангелов» Б. Вербера).

Наконец, достаточно большое количество текстов, преимущественно относящихся к новейшей фантастике, представляют нравственно нейтральную модель МП, выстроенную по аналогии с реальностью. Обстоятельства посмертного существования, характеры обитателей загробного мира и совершаемые ими поступки здесь не имеют однозначной соотнесенности с абсолютизированными «добром» и «злом», а нормы морали, действующие на «том свете», близки к нравственным принципам, разделяемым авторами произведений («Краткая история смерти» К. Брокмейера», «Бэтман Аполло» В. Пелевина, «Свет в окошке» С. Логинова, «Живые и взрослые» С. Кузнецова и др.).

2.2. Опорная мифология

Авторские версии Мира Посмертия чаще всего базируются на сюжетах и образах ведущих мировых религий, распространенных мистических учений и оккультных практик. Так, христианские мотивы присутствуют у К.С. Льюиса, Б. Вербера, Р. Шекли, М. Суэнвика, Х. Эллисона, М. Булгакова, В. Крапивина («Прохождение Венеры по диску солнца»), М. Галиной, Ю. Вознесенской и мн. др. писателей. Элементы буддизма, индуизма и восточной эзотерики можно встретить у Р. Мерля, Р. Сильверберга, Р. Мате-

сона, В. Пелевина, А. Борисовой. Нередки также образность и символика, заимствованные из античной мифологии (Д. Бром, Г.Л. Олди, М. Галина). Менее частотны иные варианты язычества: скандинавская (Я. Гжендович) и кельтская (Д. Толкиен) мифология, шаманизм («Бубен верхнего мира» В. Пелевина, «Мэбэт» А. Григоренко). Однако достаточно распространены и не привязанные к конкретным мифологиям индивидуально-авторские версии МП. Это миры У. Ле Гуин, Г. Казака, Ж. Кокто, А. Линдгрен, С. Кинга, Р. Янга, Ф. О'Брайена, Р. Матесона, М. Фаррена, К. Брокмейера, Н. Геймана, С. Логинова («Свет в окошке»), В. Крапивина («Полосатый жираф Алик»), Л. Петрушевской, О. Токарчук и др.

2.3. Коллективные и индивидуальные модели МП

Чаще всего Мир Посмертия для персонажей фантастического текста является такой же «объективной реальностью», как и земная жизнь. А сам «тот свет» служит пристанищем для всех умерших, т. е. для людей самых разных эпох и стран. Подобные модели МП мы именуем коллективными.

В их числе встречаются загробные миры, обладающие сложной географией. Так, в повести Р. Сильверберга «У каждого свой ад» в преисподней одновременно обитают царь древнего Урука Гильгамеш, Юлий Цезарь и Адольф Гитлер. Каждый из них находится в собственной зоне ада, где воспроизведены привычные ему условия земной жизни. Аналогичным образом устроен Мир Посмертия в романе С. Логинова «Свет в окошке», где в громадном городе мертвых есть русские, европейские, американские и т. п. кварталы.

Помимо исторического, возможны и иные принципы членения территории коллективного МП — например, возрастной (в «Полосатом жирафе Алике» В. Крапивина в Пояс Астероидов попадают только дети) или нравственный, когда разные локусы соответствуют грехам или чаяниям умерших («Сделка с дьяволом» Р. Шекли, «Впереди — вечность» А. Бачило). Ряд сюжетов основывается на том, что после смерти каждому воздастся по его вере («Чувство, которое словами можно выразить только по-французски» С. Кинга, «Там...» А. Борисовой).

Однако все чаще писателями воссоздаются варианты Мира Посмертия, индивидуализированные по отношению к персонажам, которые в подобных случаях в той или иной мере сами выступают творцами загробного

царства. МП как фантазия погибшей девушки описан в рассказе «Солнце мое» О. Рэйн. Сам декорирует свое посмертие, делая его похожим на упрощенную копию лондонского вокзала Кингс-Кросс, герой Д. Роулинг («Гарри Поттер и Дары Смерти»). Собственные посмертные вселенные создают для себя персонажи А. Бестера, Р. Матесона, М. Фаррена, В. Пелевина («Бэтман Аполло»). Эти модели МП могут быть населены и другими людьми, и разнообразными фантастическими существами, однако все эти обитатели представляют собой лишь плод фантазии главных героев.

3. Сюжетно-композиционные схемы повествования об МП

3.1. Путь Орфея

В рамках этой схемы попадание героя (как правило, еще при жизни) в Мир Посмертия связано с попыткой вывести оттуда ранее умерших близких. Отзвуки мифа об Орфее в той или иной степени присутствуют у Д. Толкиена (путешествие Лучиэнь в Валинор в надежде «отменить» смерть ее возлюбленного Берена) и Г. Казака (в городе мертвых герой встречает бывшую возлюбленную). Полную сюжетную развертку мотива можно обнаружить в «Орфее» Ж. Кокто, из российских авторов — у О. Рэйн (путешествие наделенной особым талантом «летум-ке» героини в МП за душой убитой Яны) и М. Галиной в «Малой Глуше».

3.2. Странствия героя

Данная сюжетно-композиционная схема представлена в произведениях А. Линдгрен, К. Брокмейера, Б. Вербера, Д. Брома, М. Фаррена, С. Логинова, В. Крапивина, отчасти (в сочетании с этико-философской проблематикой) у Г. Казака, Р. Матесона, К.С. Льюиса, Ф. О'Брайена и др. В этих текстах используется характерный для эпической фэнтези принцип квеста — путешествия героя по различным локусам МП с вовлечением в местные события и конфликты. Это обеспечивает интенсивное развитие действия, однако оборотной стороной данной схемы, если она становится единственной или ведущей, является нивелировка фантастической посылки: Мир Посмертия в глазах читателя постепенно теряет мистическую загадочность и начинает восприниматься как типичная для фэнтези «иная

вселенная» с собственными (нередко клишированными) законами и обитателями.

3.3. Ошибка, миссия и случай

В корпусе текстов о Мире Посмертия нередки и сюжеты, связанные с преждевременным уходом в МП персонажей, чей земной путь еще не завершен. Это может стать результатом воздействия злой воли (демиурга, демона, мага), оказаться особой миссией персонажа (он должен определенным образом повлиять на ход событий в загробном царстве или, вернувшись, поведать об увиденном там живым), наказанием героя за «неправильное» (греховное) поведение или ошибкой, неким «сбоем» в естественном порядке вещей («Расторжение брака» К.С. Льюиса, «Сборный пункт» Д. Ковачевича, «Чапаев и Пустота» В. Пелевина, «Первый отряд. Истина» А. Старобинец и др.). Наконец, возможно и совершенно «случайное» попадание в МП еще не умерших людей — например, спасающихся от земных невзгод («Чёрный “Ровер”, я не твой» А. Дашкова) или ставших невольными участниками игр инфернальных сил («Век волков» Я. Гжендовича).

3.4. Нравственный урок

В содержащих данную сюжетно-композиционную схему художественных текстах исследуется готовность или неготовность персонажа к переходу в Мир Посмертия, а также «правильность» его жизненного пути. Этот мотив присутствует у К.С. Льюиса, Р. Янга, Р. Матесона, Р. Мерля, Н. Геймана («Другие люди»), Р. Шекли («То, во что ты веришь»), Ю. Вознесенской. Использование данной схемы дает авторам возможность максимального заострения нравственной проблематики. Оказавшись в МП, персонажи мысленно возвращаются к прожитым годам, переоценивают свои поступки и отношение к себе других людей.

3.5. Испытание героя

Данная схема родственна предыдущей, однако отличается от нее большей заостренностью темы своеобразной «инициации», испытания героя смертью и посмертным опытом, нередко полностью изменяющим его характер и воззрения. Иначе относится к самому себе и к осужденному им на гибель Иешуа проведший века в посмертных размышлениях Понтий

Пилат («Мастер и Маргарита» М. Булгакова). Внутренне преображается при посещении загробного мира Мэбэт в романе А. Григоренко. По-другому смотрит на жизнь и смерть после пребывания в Городе за рекой герой Г. Казака. Иногда именно и только Мир Посмертия парадоксальным образом способен дать героям возможность духовного роста («Братья Львиное сердце» А. Линдгрен, «Полосатый жираф Алик» В. Крапивина, «Последние истории» О. Токарчук).

4. Смысл пребывания в МП и судьбы персонажей

Содержательным ядром повествования об МП является поиск ответа на вопрос о смысле (предназначении) посмертного существования. С ним связаны различные авторские концепции долготы (конечности или бесконечности) и динамики (статичности или изменчивости[7]) загробного бытия.

4.1. Преходящее посмертие

Идея «конечного» (преходящего) посмертия имеет три базовых трактовки. Согласно первой из них, загробный мир представляет собой *часть тварной вселенной* (космоса), некогда извлеченной из небытия (хаоса) по воле демиурга. В рамках данной трактовки МП, как и космос в целом, конечен и существует лишь до момента окончательного исполнения божественного замысла. Классическое воплощение подобной трактовки МП можно найти в эпопее Д. Толкиена («Сильмариллион»). Суть концепции — земное и посмертное существование души определено высшей волей.

Несколько иную версию той же идеи дают в своих произведениях Г. Казак и У. Ле Гуин. Первый описывает два этапа посмертного бытия: начальный (пребывание умерших в полуразрушенном городе) и последующий — путешествие душ по безжизненной равнине с постепенной утратой воспоминаний, индивидуальности, формы, вплоть до окончательного распада с последующим новым возрождением в вечном круговороте жизни. Вторая трактует Страну Мертвых с ее немыми беспамятными обитателями как нарушение естественного порядка вещей в результате «неправильного»

7 А с ней и возможности эволюции (внутренней и внешней) как персонажа, так и Мира Посмертия в целом.

(несправедливого) договора между людьми (магами) и драконами (прародителями человечества) в далеком прошлом. После расторжения договора Мир Посмертия разрушается и все умершие получают возможность вернуться в естественный цикл умирания и рождения. Суть концепции — предупреждение об опасности искажения важнейших законов мироздания.

Еще одна версия «конечной» природы МП представляет загробное царство как своеобразную «прихожую», стартовую площадку для последующей «окончательной смерти» («Вести из Непала» и «Фокус-группа» В. Пелевина, «Некромантисса» О. Онойко и др.). В ряде текстов функцию «начального» Мира Посмертия исполняет Зона Перехода, внешне практически не отличимая от реальности («Безмолвная земля» Г. Джойса, «На реке» Р. Янга, «Черное пальто» Л. Петрушевской, «Мэбэт» А. Григоренко). В рамках данной модели персонаж нередко наделен правом выбора: он может избрать «окончательную смерть» или вернуться в мир живых.

Особым вариантом той же модели можно признать тексты, раскрывающие идею множественности Миров Посмертия («Братья Львиное сердце» А. Линдгрен, «Живые и взрослые» С. Кузнецова). Из «первого» мира мертвых в них можно перейти в следующий — и до бесконечности. Смыслы подобных версий МП варьируются (восстановление попранной при жизни или в «предыдущем» МП справедливости, возможность исправить совершенную ранее ошибку и т. п.), но в целом они привлекают читателя сюжетным разнообразием, гарантирующим посмертие, исполненное бесконечных приключений.

Вторая трактовка преходящего посмертия базируется на идее *реинкарнации*, т. е. повторного воплощения человеческой души в земном мире (или цепочки подобных воплощений). Она представлена, например, в рассказе С. Кинга «Загробная жизнь» или в романе В. Пелевина «Бэтман Аполло». В первом случае умерший узнает от «потустороннего» чиновника, что ему предстоит, по его выбору, либо окончательное исчезновение, либо возвращение (в очередной не поддающийся исчислению раз) в одну и ту же земную жизнь — со всеми совершенными в ней ошибками и преступлениями. В тексте же В. Пелевина повторное воскрешение интерпретируется как освещение (вновь) божественным светом («взор Великого Вампира») «анимограммы» — особой «психологической матрицы» умершего. При подобной трактовке МП представляет собой лишь паузу

в череде бесчисленных незначительно различающихся либо идентичных повторных рождений.

Наконец, третья трактовка «временного» посмертия соединяет в себе элементы двух первых. Ее можно обнаружить, например, в романе «Куда приводят мечты» Р. Матесона. Пребывание в МП между земными инкарнациями предназначено для осмысления прошлого опыта и подготовки к новому воплощению. Нравственные уроки, извлеченные из событий земной жизни, совершенствуют душу, и она (в случае позитивной динамики) постепенно взрослеет настолько, что выпадает из цепочки перерождений и в конечном итоге сливается с демиургом. Отличие данной версии от предыдущей (водоворот) состоит в обретении повторяющимися реинкарнациями общего смысла (духовный рост), т. е. в символическом движении не по кругу, но по спирали (аналогичная модель представлена в цикле «Танатонавты» Б. Вербера).

4.2. Бесконечное посмертие

Здесь также возможны варианты, из которых значимы прежде всего два — «линейный» и «векторный». При «линейном» понимании вечности судьба персонажа, как и облик Мира Посмертия, предполагаются неизменными с момента определения загробной участи умершего. Данная концепция восходит к традиционным религиозным представлениям о «вечном блаженстве» или «вечных муках» в «райском» или «адском» локусах МП («За закрытыми дверями» Ж.-П. Сартра, «Ад — это вечность» А. Бестера, «У каждого свой ад» Р. Сильверберга, «Другие люди» Н. Геймана, «Впереди — вечность» А. Бачило, «Седьмое доказательство» Ю. Зонис и др.).

Из индивидуально-авторских моделей «посмертной вечности» примечательна «линейная» версия, предложенная М. и С. Дяченко в рассказе «Баскетбол» (совершивший самоубийство герой обречен вечно разыгрывать баскетбольный матч в присутствии инфернальных «болельщиков», вновь и вновь карающих за промахи физическим уничтожением — с последующим болезненным «воскрешением»), а также «закольцованная вечность» в рассказе С. Кинга «Чувство, которое словами можно выразить только по-французски» (погибшие в авиакатастрофе герои вновь и вновь пытаются по калифорнийским дорогам попасть на желанный курорт — и, не доехав, обращаются в прах).

Возможна, однако, и трактовка вечности как *вектора*, т. е. направленного отрицательного или положительного развития. В первом случае посмертие изображается как постепенный распад личности с итоговым окончательным исчезновением («Номер 16» А. Невила, «Свет в окошке» С. Логинова).

Наиболее же сложны и притягательны модели МП, предполагающие прогрессивную эволюцию персонажа, его духовный рост, уже не связанный (в отличие от «преходящих» версий загробного бытия) с повторным возвращением в мир живых. В этих моделях происходящие с героем внутренние перемены изображаются как его постепенный уход все дальше «вглубь» Мира Посмертия, куда ни автор, ни читатели уже не имеют возможности последовать за ним («Расторжение брака» К.С. Льюиса, «Куда приводят мечты» Р. Матесона, «Мои посмертные приключения» Ю. Вознесенской).

5. Функциональность образа МП

Немалое количество художественных текстов, повествующих о продолжении бытия человеческой личности (души) после кончины в особых Мирах Посмертия, неизбежно порождает вопрос, почему же столь многим авторам представляется уместным размышлять о том, что человеческий ум заведомо не в состоянии угадать или предвидеть. Ответ, по-нашему мнению, кроется далеко не только в извечном стремлении людей во что бы то ни стало заглянуть за смертную грань — а следовательно, в заранее предполагаемой привлекательности подобных произведений для широкой читательской аудитории. Изображение посмертия позволяет писателям поставить — и порой частично разрешить — многие важные «земные» и «жизненные» вопросы.

Если попытаться дать краткую и максимально общую характеристику функциональности художественного образа Мира Посмертия, она, на наш взгляд, сведется к трем основным моментам. Во-первых, связанная с данным художественным образом проблематика, пожалуй, как никакая иная в фантастической литературе, позволяет раскрыть и наглядно представить сложность и многомерность мироздания, трактуемого одновременно в природно-физическом и философско-метафорическом ключе. Иные

планы бытия, благодаря богатству авторской фантазии становящиеся доступными читателю, формируют в его сознании дополненную (по сравнению с повседневным опытом) картину мира, рождают представление о некой бесконечно более разнообразной (нежели привычная «объективная», данная в ощущениях) «высшей» и «истинной» реальности. А это, по нашему давнему убеждению, и есть «сверхцель», оправдывающая и обусловливающая как само существование волшебной фантастики (фэнтези), так и ее устойчивую популярность у многочисленной взрослой, давно оставившей в прошлом детский интерес к волшебным сказкам аудитории.

Во-вторых, фантастические произведения, рисующие величественную и бесконечную спираль восхождения личности по ступеням (в том числе посмертной) нравственной эволюции, максимально выразительно воплощают веру в мощь человеческого духа, стремящегося (и способного) подняться до «равной богам высоты». Наконец, в-третьих, основной посыл, который несет в себе повествование о Мире Посмертия, есть утверждение важности земной жизни как пусть краткого, но во многих отношениях определяющего этапа бесконечного «космического» существования индивида. Отсюда и столь характерный для лучших текстов об МП призыв к обретению каждым осмысленности (осознанности) собственного земного бытия, и отстаивание недопустимости его насильственного прерывания, в том числе суицида.

В самом общем плане повествование о Мире Посмертия, таким образом, есть утверждение ценности жизни, осознанной из перспективы смерти.

Список литературы

Исследования

1 *Бобраков-Тимошкин А.Е.* «Пражский текст» и чешская литература 1990-х гг. (на материале произведений М. Айваза, Д. Годровой, Я. Топола) // Русская филология. 14: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2003. С. 152–163.

2 *Ковтун Е.Н.* «Канон» и интертекст «посмертного бытия» в фантастике XX–XXI вв.: к постановке проблемы // Савремена српска фолклористика VIII Зборник радова. Словенски фолклор и књижевна фантастика. Београд: Тршић, 2020. С. 361–380. DOI: 10.24249/2309-9917-2020-43-5-59-92

3 *Ковтун Е.Н.* «Канон» и интертекст «посмертного бытия» в фантастике XX–XXI вв.: проблемный и функциональный аспекты // Stephanos. 2020. № 5 (43). С. 59–92. DOI: 10.24249/2309-9917-2020-43-5-59-92

4 *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: Введение в тему // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

Источники

5 *Ле Гуин У.* Техану. URL: https://mir-knig.com/read_279275-1# (дата обращения: 27.04.2022).

6 *Матесон Р.* Куда приводят мечты. URL: https://bookzip.ru/reader/5555 (дата обращения: 27.04.2022).

7 *О'Брайен Ф.* Третий полицейский. URL: https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/76302-7-flenn-o-brayen-a-gde-zhe-tretiy-tretiy-politseyskiy.html#book (дата обращения: 27.04.2022).

8 *Пелевин В.* Чапаев и Пустота. URL: https://enjoybooks.pw/read/99/?id=2796 (дата обращения: 27.04.2022).

References

1 Bobrakov-Timoshkin, A.E. "'Prazhskii tekst' i cheshskaia literatura 1990-kh gg. (na materiale proizvedenii M. Aivaza, D. Godrovoi, Ia. Topola)" ["The Prague Text and Czech Literature in the 1990s (Based on the Works of M. Aivaz, D. Godrova, Y. Topol)"]. *Russkaia filologiia. 14: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [*Russian Philology. 14: Collection of Scientific Works of Young Philologists*]. Tartu, Tartu University Press, 2003, pp. 152–163. (In Russ.)

2 Kovtun, E.N. "'Kanon' i intertekst 'posmertnogo bytiia' v fantastike XX–XXI vv.: k postanovke problem" ["'The Canon' and Intertext of 'the Afterlife' in the Fantasy of the 20th and 21st Centuries: Towards the Setting up of the Problem"]. *Savremena srpska folkloristika VIII Zbornik radova. Slovenski folklor i knizhevna fantastika* [*Modern Serbian Folklore Studies 8. Slavic Folklore and Literary Fiction. Collection of Articles*]. Belgrade, Trshich Publ., 2020, pp. 361–380. DOI: 10.24249/2309-9917-2020-43-5-59-92 (In Russ.)

3 Kovtun, E.N. "'Kanon' i intertekst 'posmertnogo bytiia' v fantastike XX–XXI vv.: problemnyi i funktsional'nyi aspekty" ["'The Canon' and Intertext of 'the Afterlife' in the Fantasy of the 20th and 21st Centuries: Problematic and Functional Aspects"]. *Stephanos*, no. 5 (43), 2020, pp. 59–92. DOI: 10.24249/2309-9917-2020-43-5-59-92 (In Russ.)

4 Toporov, V.N. "Peterburg i 'Peterburgskii tekst russkoi literatury': Vvedenie v temu" ["Petersburg and the 'Petersburg Text of Russian Literature': An Introduction to the Topic"]. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [*Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic: Selected Works*]. Moscow, Progress–Kul'tura' Publ., 1995, pp. 259–367. (In Russ.)